

А. М. ЭТКИНД

**Горький и Безбедов:
подтекст «Серебряного голубя» в «Климе Самгине»***

Так и не сумев дописать без того огромный текст «Жизни Клима Самгина», Горький рассказал о титульном герое во всех подробностях — политических, культурных, сексуальных. Горький и не старается упорядочить сырой материал этой «Жизни». Перед нами не дебют социалистического реализма, а скорее напротив, сочинение отрицательного жанра: биография человека, который, по мнению автора, недостоин биографии.

Люди здесь наталкиваются друг на друга и, потоптавшись, исчезают без смысла, как на изображенной тут же Ходынке. Сегодня, в конце столетия, история его начала кажется совсем иной: немногочисленной, но многозначительной. Впрочем, такое восприятие — тоже литературное наследие, оставшееся нам от победивших противников Горького, русских символистов, и от их манеры ставить памятники своему времени. Но борьба продолжается, и ни одна победа не является окончательной.

Самгин общителен, но холоден, и это подано как черта эпохи; на самом деле таков сочинивший его автор. Больше, чем на русскую историю, роман Горького похож на итальянскую виллу, в которой Горький писал его в конце 1920-х. Дом, подобно роману, был наполнен странными, вырванными из контекста мужчинами и женщинами. «Тут были люди различнейших слоев общества <...> имевшие к нему самое разнообразное касательство: от родственников и свойственников — до таких, которых он никогда в глаза не видал»¹, — вспоминал Горького и его виллу Ходасевич. Все в этом доме было точно как

* Печатается по изд.: Новое лит. обозрение. 1997. № 4.

¹ Ходасевич В. Горький // Ходасевич В. Некрополь. Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1976. С. 247.

в текстах его хозяина: «В романе <...> люди, изображаемые автором, действуют при его помощи, он все время с ними, он подсказывает читателю, как нужно их понимать, <...> очень ловко, но произвольно управляет их действиями», — так, по-домашнему, Горький объяснял свою нарративную политику².

Конечно, всех — хозяина, автора и героя, и главное, предполагаемого читателя — красивые женщины интересуют больше других людей. В «Самгине» их много; и очень редко текст задерживается на какой-либо одной. И все же в его распадающейся ткани есть не только главный герой, негативный и банальный, но и настоящая героиня, причем положительная и самого необычного свойства. Можно сказать и больше: подлинным героем «Жизни Клим Самгина» является не слабый интеллигент, а хлыстовская богородица. Для того, кто дочитал роман до его третьего тома, антибиография Клим Самгина вдруг превращается в агиографию Марины Зотовой.

Русьгород, взгляд из Сорренто

Третий том писался Горьким долго и трудно: длинные перерывы в работе были вызваны поездками писателя в СССР. Там происходила коллективизация и еще многое другое, а Горький все писал о Зотовой. «Когда я приеду в Россию? Когда кончу роман», — писал Горький из Сорренто в 1927 году³. Откладывал ли он окончательное возвращение в СССР и скорую смерть там, чтобы закончить роман; или наоборот, затягивал текст, чтобы не возвращаться? Во всяком случае, именно в третьем томе сюжет, наполняясь неосуществленными желаниями, вдруг увлекает читателя, давно уже не ожидающего сюрпризов. Если бы третий том «Клим Самгина» существовал отдельно, у романа была бы иная судьба; впрочем, другим бы был и его автор.

После событий 1905 года адвокат Самгин, разочарованный интеллигент левых взглядов, возвращается из Москвы на свою родину, в губернский центр под символическим названием Русьгород⁴. Устроившись поверенным в делах у красавицы Зотовой, он поначалу относится к ней так же, как и к остальным своим женщинам — с боязливым желанием. Из всех них она — самая красивая, самая умная

² Горький М. О пьесах // Горький М. Собр. соч. Т. 26. М.: ГИХЛ, 1953. С. 411.

³ Горький и советские писатели. Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 70.) М.: АН СССР, 1963. С. 628.

⁴ Горький лишил этот Русьгород идентичности с каким-либо реальным городом, напр., Нижним Новгородом; см.: Вайнберг И. За горьковской строкой. М.: Сов. писатель, 1976. С. 292–293.

и самая богатая; и она же едва ли не единственная, с которой у Самгина так и не состоялась близость. К тому же в ее общине собирается и несколько прежних подруг Самгина; так что богородица Марина вбирает в себя женское население романа, как бы обобщая эту сторону жизни.

Встречаясь с Зотовой и ведя ее запутанные дела, Самгин узнает, что она — лидер местной хлыстовской общины. Зотова называет себя «кормщицей корабля», или «богородицей». Корабль ее немалый, «живет почти в четырех десятках губерний, в рассеянии, покамест — до времени». Первый и, кажется, последний раз в литературе о сектах мы сталкиваемся с таким масштабом: перед нами — фигура вождя всероссийской хлыстовской общины. Впрочем, притязания Марины направлены на еще большее: «мой ум направлен на слияние всех наших общин — и сродных им — в одну» (XXIII, 336⁵).

Ни в чем чистый образ Зотовой не замутнен чем-либо похожим на иронию; восторженные слова, которыми характеризуют ее члены ее общины, нигде — ни в речах или поступках самой Зотовой, ни в обильных и всегда оценочных репликах автора — не опровергаются реальностью. Захарий, любимый Горьким типаж героя из народа, бывший каторжник, говорит о Марине: «Необыкновенной мудрости. Ослепляет душу. Несокрушимого бесстрашия» (XXIII, 287). Ему не верит только Самгин, который всегда неправ.

Как ни странный этот образ для идеологии социалистического реализма, для его поэтики он вполне естественен. Уже в романе «Мать» положительные герои писались похоже на православные жития святых⁶. Но теперь Горький был специально озабочен тем, чтобы создать фигуру радикально новую. «Она не похожа ни на одну из женщин, знакомых мне», — думает Самгин, и даже более того: «среди героинь романов, прочитанных им, [он] не нашел ни одной женщины, похожей на эту» (XXIII, 174, 277). Такова задача, которую поставил перед собой Горький: написать женщину, какой еще не было в литературе, без подтекстов и прототипов. Но и самая необыкновенная из героинь остается внутри литературной традиции. Марина «говорит в манере героинь Лескова» (XXIII, 165), и говорит часто о литературе. Особое внимание ее, естественно, привлекают статьи и романы о сектах. О классическом таком тексте — романе Мельникова-Печерского «На горах» — она говорит с пренебрежением, и все же советует его читать. Рассуждая о скопцах, Марина воспроизводит литературную идею

⁵ Цитаты из «Жизни Клим Самгина» приводятся по: Горький М. Полн. собр. соч. Т. 21–25. М.: Наука, 1974–1976, — с указанием тома и страницы в скобках.

⁶ Об агиографической основе «Матери» Горького см.: Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. The University of Chicago Press, 1981. P. 59.

Розанова о еврейском обрезании как замещении более архаической кастрации (XXIII, 325). Объясняя происхождение своей веры, Зотова указывает, как на свою предшественницу, на жившую за сто лет до нее Екатерину Татаринову (XXIII, 332), дворянку и лидера хлыстовского корабля в Петербурге. Лицо историческое, Татаринова могла быть известна Зотовой, конечно, по литературе. Подобно своим коллегам и предшественницам в русской литературе — Катерине из «Хозяйки» Достоевского, Матрене из «Серебряного голубя» Белого — Зотова открыто посещает службы православной церкви, а втайне устраивает радения своей общины (XXIII, 324).

Зотова приглашает Самгина посмотреть на радение, и он наблюдает весь ритуал в щелочку, из специально оборудованной для этого комнаты. Хотя у Горького было, по крайней мере в московской его библиотеке, немало подсобных материалов⁷, сцена взята Горьким из романа Писемского «Масоны»⁸. Герой Писемского, архиерей Евгений, в детстве подсмотрел в щелку хлыстовское радение. В избе было 40 человек, рассказывал он (Самгин насчитал 54), все в белых рубахах и босиком (то же видит Самгин), они бегают и скачут вокруг чана (то же у Горького), хлещут друг друга прутьями (эту деталь Горький опустил) под руководством «неистовствующей женщины» (у Горького Марина сохраняет царственное спокойствие). Существенно, что большинство этнографов, историков и даже миссионеров не верили в то, что хлысты радеют вокруг чана⁹; Горький читал об этом у Писемского и еще, вероятно, слышал о «чане» от Пришвина. В конце радения нагую и, как всегда, прекрасную Марину благоговейно окунают в этот самый чан.

От увиденного и описанного герой Горького едва стоит на ногах, а читатель остается скорее в недоумении. Радение, посмотреть на которое Марина пригласила Самгина, состоялось в Духов день. «Возвращаясь в детство», подумал Самгин, подъезжая. Климата устраивают к «щелочке». Сцена описывается со вкусом, под пером Горького традиционные мотивы развиваются в нечто вроде гротескового народного тела по Бахтину: «отдельные фигуры стали неразличимы, образовалось бесформенное, безрукое тело, — на нем, на хребте его подскакивали, качались волосатые головы <...> исступленнее вскрикивали жен-

⁷ «Наши монахи чугунные невежды, даже сносной истории русских сект написать не могут», — говорит в «Самгине» персонаж с иронической фамилией Иноков (XXI, 400). Впрочем, в библиотеке Горького было замечательное собрание сектоведческой литературы (Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание. Т. 1. М.: Наука, 1981. С. 309–314.)

⁸ Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М.: Правда, 1959. С. 85.

⁹ Напр.: Бондарь С. Д. Секты хлыстов. Пг: Типография В. Д. Смирнова, 1916. С. 12.

щины <...> угрюмо звучали глухие вздохи мужчин. Самгин, мигая, смотрел через это огромное буйствующее тело <...> на Марину <...>. Это продолжалось утомительно долго <...>. Он почувствовал, что этот гулкий вихрь утомляет его, что тело его делает произвольные движения». Амбивалентность интеллектуала в отношении карнавальной культуры, его страх и тяготение переданы артистически: «Самгин <...> чувствовал себя физически связанным с безголовым, безруким существом там, внизу; чувствовал, что бешеный вихрь людской в сумрачном, ограниченном пространстве отравляет его тоскливым удушьем, но смотрел и не мог закрыть глаз» (XXIII, 387).

Итак, в длинной и волнующей сцене есть и кружение, и пророчества, и купание богородицы в чане; не хватает только свального греха. По законам романа такая сцена, чтобы стать центральной, требует участия главного героя; и действительно, сразу после радения Самгин застаёт Марину обнаженной. Мы видим их обоих в зеркале; «рядом с белым стройным телом женщины человека в сереньком костюме, в очках, с острой бородкой, с выражением испуга <...> с открытым ртом». Разгоряченная Марина не то предлагает себя Самгину, не то просит выйти вон (XXIII, 391). В этот ключевой момент Самгин предпочитает уйти, о чем потом не раз жалеет. Впрочем, при следующей встрече вдовствующая Марина намекает Самгину, что она девственница. «Что-то извращенное, темное», — гадают Самгин (XXIII, 397).

Интеллектуал не способен участвовать в великом празднике народной культуры; он не может понять его своей рациональной «системой фраз». Сегодня в этих идеях узнается Бахтин, но у Горького они звучат несколько иначе: его интересует не апология народной культуры, но ощущение несовместимости ее особого тела с разумом, жизнью и телом интеллектуала. Самгин «испуган, но — чем? Это было непонятно». Его шатает, мучит сухость во рту и боль в глазах; как в бреду, он ощупывает костюм, ловя на нем невидимые соринки: «так “обирают” себя люди перед смертью» (XXIII, 392). Самгин вспоминает свое участие в революционных событиях 1905 года, когда он тоже много боялся и не все понимал, — но радением, тщательно подчеркивает Горький, его герой потрясен больше, чем революцией. «Тяжелая, тревожная грусть» не давала ему больше «одевать мысли в слова» (XXIII, 392). Ничего подобного в других описаниях радений — ни у Захер-Мазоха, ни у Писемского, ни у Пришвина, ни у Белого — мы не находим. Бахтин, никогда не видевший ни радения, ни карнавала, не задумывался о том, каково бы там было интеллектуалу вроде его самого; подобный сюжет мы встречаем только во вдохновленных Бахтиным исследованиях того, как реагировали на карнавал философы, поэты

и врачи эпохи Просвещения¹⁰. Этот важнейший мотив отсутствовал в раннем горьковском памятнике народу — «Исповеди». Там мощь народного праздника показана с точки зрения его непосредственного участника, человека из народа: без тревоги, свойственной интеллектуалу, и без анализа, которым он пытается с нею справиться. Праздник получился небывалым, но еще более далекой от исторической правды кажется здесь фигура рассказчика; впрочем, это те же проблемы, которые историки находят сегодня в книге Бахтина о западноевропейском карнавале и о его восторженном бытописце. На деле Горький видит своего Самгина куда более исторично, чем Бахтин — своего Рабле; в щелочку подглядывающим за гротесковым телом народной культуры, не способным ни присоединиться, ни понять, а только описать — но и от этой непосильной задачи впадающим в состояние, близкое к белой горячке. Видел ли Горький настоящее радение и избразил в Самгине свои собственные чувства¹¹ или же, читая о радениях в книгах, попытался найти в них роль для себя — в любом случае здесь мы имеем дело с текстом, редким по проницательности культурно-исторического видения.

Полный впечатлений, Самгин уезжает за границу, где последний раз встречается с Мариной; великолепная и в Париже, она советует читать Шопенгауэра и Секста Эмпирика. Потом Марина возвращается в Русьгород, и ее убивают. При расследовании Самгин, поверенный в делах убитой, помог прокурору скрыть настоящего убийцу, совершив главное (а впрочем, единственное) в своей жизни предательство. На этом роман его жизни кончен; но Горький все пытается придать ему недостающие еще большевистские интонации, и текст, рассыпаясь, продолжается в бесконечность.

Мимо университетов

В литературе о «Самгине» считается, что образ Зотовой написан Горьким с нижегородской купчихи Юлии Болотовой, которую считают хлыстовкой. Эта идея была подсказана советским критикам самим Горьким. Газетные сообщения 1904 года¹² говорят о том, что Болотова была убита тогда при невыясненных обстоятельствах (Зотова в романе

¹⁰ Напр., Stallybrass P., White A. The Politics and Poetics of Transgression. London: Methuen, 1986.

¹¹ Надо сказать, что описание радения в «Самгине» подозрительно похоже на описание армянского танца в очерке «По Союзу Советов», хотя здесь же Горький отрицал это сходство (Горький М. Полн. собр. соч. Т. 20. М.: Наука, 1974. С. 137.)

¹² Никитина И. В. По следам героев М. Горького. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981. С. 100–101.

убита несколькими годами позже), но нигде не упоминается, что она была сектанткой, и тем более главой общины. После очерка Ходасевича, который описывал неудержимую, природную лживость Горького в его повседневном общении, в подлинность этих воспоминаний верить довольно трудно; в ранних же документах Горький, упоминая Болотову, приписывал ей «распутство»¹³. Зотова из романа оказывается совсем непохожа на эту Болотову.

Хлыстовский поворот эпопеи великого пролетарского писателя вызывал смущение даже у людей, близких Горькому. В. Десницкий вспоминал:

Когда напечатан был третий том «Жизни Клима Самгина», мы не один раз говорили о повести. Алексей Максимович, по обыкновению, настоятельно требовал указания «недостатков». Между прочим, я особенно указывал на чрезмерность внимания его к Марине Зотовой и ее сектантским, хлыстовско-скопческим похождениям. — «Ведь это “задворки” русского исторического процесса для данного периода», — говорил я. И такое длительное пребывание здесь автора великолепной эпопеи, в сущности, ничем не обосновано и для читателя неубедительно.

Меня удивили тогда необыкновенное упорство и даже некоторое раздражение, с каким Алексей Максимович, легко соглашаясь с другими моими «критическими» замечаниями, возражал против этого¹⁴.

Между тем, появление сектантского лидера в качестве главной фигуры эпоса о русской революции подготовлено всеми десятилетиями творчества Горького. В его автобиографии «В людях» появляется интересный сектант-бегун Александр Васильев; в памяти автора он ассоциируется с отцом и появляется в «тяжелые часы» жизни. «Я иду путем правильным, я ничего не приемлю», говорит бегун, и припоминание этой фразы чудесным образом поддерживает автора-рассказчика. По словам Горького, этот бегун написан с реального лица, человека с поразительной биографией, о котором Горький многие годы хотел писать отдельный роман. Около 1914 года некая газета сообщила об аресте лидера волжских бегунов Александра Васильевича, которого в этой секте называли якобы «патриархом всея Руси». Он оказался беглым каторжником Рябининым, которого судили за убийство; сорок лет он скрывался в секте. Эту вырезку Горький хранил у себя всю жизнь, а потом передал Десницкому — возможно, чтобы показать ему

¹³ Десницкий В. Неосуществленный художественный замысел М. Горького. Роман о российском Жан Вальжане, добродетельном каторжнике // Горький. Материалы и исследования. Т. 3. М.; Л., 1941. С. 376.

¹⁴ Там же. С. 371–372.

«пропорции» сектантского материала в русской жизни. Здесь же были и отрывочные материалы к ненаписанному роману 1910-х годов¹⁵; неосуществленный замысел должен был, видимо, дать апологию русского сектантства, которое способно морально преобразить человека, сделать из великого грешника — святого странника. И этот сюжет был не вполне нов; то же происходит в знаменитом стихотворении Некрасова «Влас». Загадочный Лука из пьесы «На дне» — такой же персонаж, странник и бывший каторжник; утешая своих соседей по столичному «дну», Лука рассказывает им о бегунах. Похож на бегуна Рябинина и один из героев «Городка Окурова», народный мудрец Тиунов. Герой-рассказчик «Исповеди» тоже недалеко от этого сорта людей, с которыми было так легко идентифицироваться Горькому. В «Самгине», однако, этот старый типаж отходит на второй план, уступая давлению новых идей. Его представитель здесь есть: это хлыст Захарий, в прошлом уголовный преступник и беглый монах; но теперь этот наследник старых идеалов — лишь приказчик у Зотовой.

Явление хлыстовской богородицы подготовлено и в первых главах самого романа. Марина Премкова впервые появляется в романе в качестве подруги Степана Кутузова, студента Казанского университета, впоследствии большевика. В нее безнадежно влюблен Дмитрий Самгин, брат Клина, впоследствии этнограф. Сам Клинт предпочитает Марине ее подругу Серафиму Нехаеву, впоследствии любительницу декадентской поэзии. Дальше события в этой основной для романа группе персонажей развиваются так. Кутузов на протяжении всего романа оказывается единственным проводником правильной, партийной линии. Марина выходит замуж за богатого и чудаковатого купца Зотова, который скоро умирает, оставив ей большое наследство. В это, по-видимому, время Марина становится богородицей хлыстовской общины Русьгорода. Она приращивает свое состояние торговлей недвижимостью, в чем немалую роль играет ее роль в хлыстовском корабле. Из дел, которые ведет Самгин, мы подробно узнаем, как хлысты дарят или завещают Марине свои дома или землю. Часть денег Марина тратит на поддержку большевистской деятельности Кутузова.

Связь Марины и Степана, из неудовлетворенной любви перейдя в общие дела, продолжается десятилетия. Что касается Дмитрия Самгина, который был поклонником Марины, то он уезжает в этнографическую экспедицию на русский Север: вероятно, там он исследует, чем занимается в родном городе отвергнувшая его Марина. В этой фигуре бродяги-этнографа при желании можно увидеть сходство

¹⁵ В частности, из заметок Горького следует, что он считал Рябинина связанным со скопцами и с нижегородскими хлыстами (Там же. С. 374–376).

с Михаилом Пришвиным, к которому Горький относился дружески, но не без насмешки. В треугольнике Марины, Дмитрия и Степана воспроизводится другой сюжет, тоже ключевой в романе. Роль отца-основателя играет в тексте дядя Клима и Дмитрия, возвратившийся из многолетней ссылки народник Яков Самгин. Его образ написан с народника В. С. Гусева, который пропагандировал в 1870-х годах среди саратовских сектантов, потом два десятка лет отбывал мучительное наказание, а потом приехал в Нижний Новгород, где с ним подружился Горький. «Я ведь сектантов знаю, был пропагандистом среди молокан в Киевской губернии. <...> Гусев — это я и есть», — без лишних хитростей говорит в романе Яков Самгин (XXI, 136). «Он был веселый, танцор, балагур. И вдруг ушел в народ, к сектантам. Кажется, у него был неудачный роман», — объясняет прошлое Якова его сестра. «У них у всех неудачный роман с историей», — интерпретирует скептический голос (XXI, 138).

Среди многочисленных прототипов Клима Самгина самый вероятный — это автор. Именно так можно интерпретировать его фамилию: Самгин — сам. Сам Клим имеет довольно косвенное отношение к большевикам, но, и в этом подобный своему автору, старается держаться поближе к ним. В Кутузове же видели собирательный образ коммуниста-ленинца. слепленный из реальных черт крупных деятелей партии¹⁶. Действительно, Кутузов противостоит Самгину, как сильный — слабому, большевик — меньшевику, народ — интеллигенту. Впрочем, этот Кутузов остался вполне абстрактным героем; именно в этой неудаче и состоит главная беда «Самгина». Кутузов должен был бы стать Мудрым Человеком из Народа и замкнуть классическую структуру, которая заложена в типических образах Клима, Слабого Человека Культуры, и Марины, Русской Красавицы, — структуру, воплощенную во множестве произведений русской литературы, от «Золотого петушка» до «Серебряного голубя» и от «Капитанской дочки» до «Идиота»¹⁷. Но живого материала для такого Кутузова у Горького не оказалось, и этот герой оказался лишь еще одним интеллигентом со странными взглядами, каких десятки в этом романе; и говорит Кутузов, как и другие, чаще всего о книгах. Для Горького, с его паническим страхом перед русским крестьянством, который множество раз описывался им самим и его критиками, позитивная фигура Мудрого Человека

¹⁶ Напр., комментарии в: Горький М. Полн. собр. соч. Т. 25. М.: Наука, 1976. С. 60–61.

¹⁷ Подробнее см.: Эткинд А. Полет Золотого петушка: Мистика и эротика в русской антиутопии (от Пушкина до Виктора Ерофеева) // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. Helsinki, 1996. С. 349–359.

из Народа, типа толстовского Каратаева, невозможна; но положительный герой необходим, и он должен быть если не из народа, то точно не из интеллигенции. Вот тут-то Горький изменяет и классовому подходу, и классической традиции. Все проблемы решаются конструированием Зотовой — просвещенной хлыстовки, девственной вдовы, бездетной богородицы. В ней Мудрый Человек из Народа сливается с Русской Красавицей, и оба вместе противостоят Самгину, Слабому Человеку Культуры. Переосмысливается и сексуальная динамика нашего треугольника. Самгин влюбчив, подобно всем его литературным предшественникам; но Зотова, хотя и прекрасна подобно остальным Русским Красавицам, чужда секса, подобно Мудрым Людям из Народа. Сплюсчивание треугольника не остается безразличным и для фабулы: вопреки литературной традиции, слабый и влюбленный герой так и остается живым, и автор вынужден убить героиню, в которой нельзя бесконечно совмещать противонаправленные начала.

Итак, работая у Зотовой, Самгин оказывается в привычной и для себя, и для самого Горького роли: посредника между большевиками и сотрудничающими с ними тайными силами, в данном случае с хлыстами. Потому он и не интересен автору, такому же Слабому Человеку Культуры, тоже любившему использовать свои связи в чужих интересах и в конце концов, на вершине славы и успеха, потерпевшему величайшую катастрофу, жизненную и литературную. «Жизнь Климата Самгина» — грустный памятник самоуничтожению русской интеллигенции, клиническая картина ее самоубийственных особенностей, в равной степени присущих герою и автору. Как точно знал Горький, «люди были интересны Самгину настолько, насколько он, присматриваясь к ним, видел себя не похожим на них» (XXIV, 158). Люди были интересны и самому Горькому настолько, насколько были не похожи на него; и потому он с уважением и завистью присматривался к другим — к хлыстовке Зотовой, к большевику Кутузову — а в Самгине написал уничижительную карикатуру на самого себя и свой класс. Но и другие бывают разными. Насколько беспомощен оказался Горький в изображении Кутузова, настолько красноречив, и даже убедителен, портрет Премировой-Зотовой.

В очередной раз переживая по поводу своей несамостоятельности (о литературном герое мы сказали бы: вторичности), Горький и Самгин размышляют о методе: «Наиболее легко воспринимаются и врастают в память идеи и образы художественной литературы <...>. На основе этих идей и суждений он устанавливал свое различие от каждого и пытался установить свою независимость от всех» (XXIV, 158). Этого не удастся Самгину, который, по замыслу автора, все глубже погружается в интеллигентскую банальность; но это удастся Марине. В отли-

чие от большинства других героев и героинь, в изображении которых Горький следует своей поздней поэтике характерного жеста — единственного, но назойливо повторяющегося — Марина Зотова написана тщательно и с подробностями. В ее девичьей фамилии — Премирова — звучит вечная женственность символистов или, может быть, указание на ее будущее хлыстовство, которое Горький считал вечной традицией: «древняя, народная, всемирная вера в дух жизни», — рассказывает потом сама Марина (XXIII, 395). Продумана и ее генеалогия, тоже скорее литературная. Символически или реально, Марина оказывается потомком Лермонтова¹⁸, что напоминает рассуждения неоднократно упоминаемого в романе Розанова, который считал Лермонтова самым хлыстовским из русских поэтов¹⁹. Но красота Марины описана скорее полемически в отношении героинь русской поэзии: телесно, природно и еще — национально. Она «могучая», «такая сытая, русская»; от нее, «вероятно, пахнет потом, кухней, баней», (XXI, 203, 222, 207); она двигается «с грацией, которую дает только сила»; «все в ней было хорошо слажено, казалось естественным»; «большая женщина» (XXIII, 126, 128, 130). Самое, однако, своеобразное в этой версии Русской красавицы — ее асексуальность. Даже местный газетчик, городской сплетник, рассказывает о ней так: «Красива, богата, говорят — умна и якобы недоступна вожделениям плоти» (XXIII, 159). В Самгине «она не будила сексуальных эмоций», но что-то другое: «есть в ней странная сила; притягивая и отталкивая, эта сила вызывает в нем неясные надежды на какое-то необыкновенное открытие» (XXIII, 241).

О своем покойном муже Марина вспоминает с нежностью. Он был, гордо сообщает она Самгину, «из семьи Лордугина». На недоумение собеседника Марина реагирует с раздражением: «С кем был в родстве любой литератор, славянофил, декабрист — это вы, интеллигенты, досконально знаете, а духовные вожди, которых сам народ выдвигал мимо университетов — они вам не известны» (XXIII, 130–131). Мы все же знаем, что Петр Лордугин был одним из вождей Нового Израиля, самой крупной из хлыстовских общин; в 1870-х годах и позже он был их лидером на Северном Кавказе, сподвижником известного Перфила Катасонова²⁰. Понятно, что Горький пользуется здесь испытанным методом «типических представителей»: через покойного мужа Марина оказывается породненной с сектантским «христом» типа Селиванова, Катасонова, Лубкова — подлинным вождем народа. Свои центральные

¹⁸ Тетка Марины, старушка, рассказывает: «На Кавказе отца моего убили <...>. На Лермонтова был похож». (XXI, 250).

¹⁹ Розанов В. В. Апокалиптическая секта (хлысты и скопцы). Петербург, 1914.

²⁰ Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. М.: Наука, 1965. С. 60.

идеи великолепная Марина унаследовала тоже от Лордугиных: «вы, интеллигенты, отщепенцы <...> от страха в политику бросаетесь. <...> Народ вам — очень дальний родственник <...>. И как вы его ни спасайте, а на атеизме обязательно срежетесь. Народничество должно быть религиозным» (XXIII, 132), — рассуждает Марина. Интеллигенция все хочет дать народу землю, но для народа дело не в земле: «землю он и сам отвоюет, но, кроме того, он хочет чуда на земле» (XXIII, 132). Марина говорит это Самгину, хотя и «не надеется, что слова ее будут поняты». Тут она могла бы сослаться на пример старых народников, например, известного ей Якова Самгина, который пропагандировал среди сектантов и, подобно многим современникам, на деле был сторонником религиозного народничества. Но Марина, или точнее, выдумавший ее автор, предпринимает ход более радикальный: мы узнаем, что «ближе других» к этой программе большевик Кутузов. Переворачивая отношения между народничеством и большевизмом, как мы помним их по трактовкам Ленина, Горький интересен и в этом. Большевик Кутузов, как и богородица Зотова, тоже не хочет дать народу землю, а вместо этого хочет сделать на земле чудо. Кутузову, с одобрением говорит Марина, «конституции не надо», и сама считает конституцию сродни «смертной скуке» (XXIII, 132, 198).

Именно Кутузов вновь сводит Марину с Климом, используя для этого характерный, повод — конспиративную передачу Мариной крупной суммы денег для поддержки большевиков. В романе есть и другие фигуры, поддерживающие большевиков со стороны; Горький сам играл важную роль в такого рода договоренностях, и с полным знанием дела показал в «Самгине» своего друга Савву Морозова в образе Лютова, купца из старообрядцев. В точности как Морозов через Горького финансировал Ленина, Лютов финансирует Кутузова, прежде чем покончить с собой²¹. «Мы народ метафизический. У нас в каждом земском статистике Пифагор спрятан, и статистик наш воспринимает Маркса как Сведенборга или Якова Беме <...>. А где еще найдете такое разнообразие и обилие сект, как у нас. И — самых изуверских: скопцы, хлысты, красная смерть. Самосожигатели, в мечте горим, от Ивана Грозного и Аввакума протопопа до Бакунина Михайлы, до Нечаева» (XXI, 334–335), — выговаривает этот Лютов идеи Морозова, в другой форме до нас не дошедшие. Интересно, однако, что главную в романе субсидию большевики получают не от Морозова-Лютова, а от хлыстовской богородицы Марины. Возможно, что здесь Горькому приходилось

²¹ О Морозове как прототипе Лютова см.: *Вайнберг И.* За горьковской строкой. М.: Сов. писатель, 1976; *Матевосян Е. Г.* М. Горький и Савва Морозов // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 54 (1995). № 5. С. 65–73.

уступать давлению собственно романских задач; но вероятно и то, что он воплотил здесь свое понимание самых глубоких, последних причин русской революции. Мы еще столкнемся с любопытными деталями, подтверждающими такое чтение.

Новый матриархат

Кутузов позднее, в 4-м томе, отрицает свою осведомленность о сектантских связях Марины, но о ее покойном супруге говорит с восторгом: «Мужчина великой ненависти к церкви и ко всякой власти <...>. Я смотрел на него как на кандидата в революционеры. Имел основания. Он и о деревне правильно рассуждал, в эсеры не годился» (XXIV, 178). Иными словами, покойный Зотов хотел не того, что эсеры-интеллигенты — дать народу конституцию и землю — а другого, того же, что большевики. Правда, в этих своих суждениях Кутузов был небескорыстен: он брал деньги у Марины, но «муж ее давал мне на нужды партии щедрее» (там же). Мы узнаем также, что покойный Зотов был дружен с Глебом Успенским, пока они не «разошлись в разуме», потому что народный Успенский «чувствовал себя жертвой миру», а хлыст Зотов был, по формуле Марины, «гедонист», но только в отношении «духовных наслаждений» (XXIII, 164).

Марина образованна и начитана; она может поговорить о Достоевском, Ницше или Марксе. Горький отдает ей свои любимые идеи: «Литераторы философствуют прозрачней богословов и философов, у них мысли воображены в лицах и скудость мыслей — яснее видна», — так Марина объясняет, почему она читает литературу больше, чем философию (XXIII, 196). Объясняя свою веру, она начинает с гностиков: «Душа сопричастна страстям плоти, дух же — бесстрастен, и цель его — очищение, одухотворение души, ибо мир исполнен душ неодухотворенных»; между тем распятие рядом с ней «торчит <...> вниз головой» (XXIII, 197). Ходила Марина и на собрания Петербургского Религиозно-философского общества (более того, именно там она познакомилась со своим мужем, XXIII, 179). Этим, и еще красотой тела, Марина похожа на «охтенскую богородицу» Дарью Смирнову, о которой Горький мог слышать восторженные рассказы Пришвина. Еще мы узнаем, что супруг Марины был англофил и годами жил в Англии, а Марина учит английский язык. Хваля англичан за их «доверчивость» (XXIII, 177), Марина приводит пример Блаватской, которая, правда, пользовалась успехом скорее среди американцев. Горький и здесь продолжает традиции русского народничества, искавшего союз с сектами и, как модель, предпочитавшего английскую революцию религиозных реформаторов — французской революции атеистов. В 1930-х Горький

дал Всеволоду Иванову книгу по истории английской революции, сказав, что она «необычайно интересна». В книге было множество помет, и Иванов решил, что они относятся к современной ситуации и что этими пометами Горький «хотел ему сообщить многое из того, что сказать вслух было бы опасно»²² потом книга пропала.

Особенные отношения Марины с ее покойным мужем напоминают связь хлыстов с их «духинями»: они годами жили с женщинами, любили их и ласкали, но не нарушали их девственности. «Он очень восхищался ею и все, знаешь, эдак подпрыгивал петухом вокруг нее», — рассказывают о Зотове (XXIII, 133), и в этой метафоре мы слышим очень знакомый литературный мотив. С другой стороны, примерно такие же отношения — и о них интеллигент Горький знал куда достоверней — соединяли Веру Павловну, героиню «Что делать?» Чернышевского, с ее первым мужем. Эта ассоциация получает интересное развитие. Подобно новой Вере Кирсановой, или скорее героине ее четвертого сна, Марина Зотова собирается учредить новую Утопию, для чего скупает землю за Уралом. В этом проекте участвуют не только деньги ее покойного мужа из семьи Лордугина, но и хлыстовская община из Русьгорода, и — неожиданный, но логичный поворот темы — еще некий англичанин, поклонник Марины. Этот иностранец путешествует по России, изучает ее язык, интересуется ее нравами и сектами времен юности Горького — Уильяма Х. Диксона, Чарльза У. Дилке, Маккензи Уоллеса... «Была у нее нелепая идея накопить денег и устроить где-то в Сибири нечто в духе Роберта Оуэна... Фаланстер, что ли... Вообще — балаган», — с большевистской иронией рассказывает о проекте Зотовой Кутузов (XXIV, 180). Впрочем, Кутузов не склонен принимать всерьез и хлыстовские увлечения Марины: «Хлыстовство — балаган <...>. Хлыстовство — маскировка», — повторяет он, и тут его партийная линия явственно расходится с мнением Самгина и самого Горького.

В идеях Горького, как они сформировались к 1926 году, чувствуются старые ницшеанские дрожжи, но бродят они в новом материале, в свежем и беспрецедентно трагическом опыте. Во время работы над «Самгиным» главная мысль автора формулировалась так:

Мне кажется, что даже и не через сто лет, а гораздо скорей жизнь будет несравненно трагичнее той, которая терзает нас теперь. Она будет трагичнее потому, что — как это всегда бывает вслед за катастрофами социальными — люди <...> обязаны и принуждены будут взглянуть в свой внутренний мир, задуматься — еще раз — о цели и смысле бытия. Таковых людей народится неисчислимо более <...>. У людей

²² Иванов Вяч. Вс. Загадка последних дней Горького // Звезда. 1993. № 7. С. 156.

возникает, зарождается новый инстинкт — инстинкт познания. <...> Познание же как сила инстинктивная, *между прочим*, вновь способно претворить телеологию в теологию.

Продолжая мысль, Горький ясно и серьезно формулирует теорию трех инстинктов, которую сбивчиво рассказывает в его романе один из сумбурных героев: «Жили мы <...> инстинктом голода, откуда истекло все, называемое цивилизацией, [и] инстинктом любви, создавшим все, что мы зовем культурой, и вот находимся накануне возникновения третьего инстинкта». Этот третий инстинкт — влечение к познанию, но познание это особого рода: познание смысла жизни, ее последних, экзистенциальных (Горький этих слов не использовал) ценностей. Это «познание» имеет природу пост-революционную и даже, вероятно, пост-историческую: третий инстинкт «неизбежно должен возникнуть на почве всех наших трагических разочарований». Итак, цивилизацию создал голод, культуру создала любовь, что создаст это горькое «познание»? Автор надеется на фантазию своего нынешнего корреспондента и понимание будущего читателя: «Вообразите, что будет, если десятки и сотни людей воспылают страстью догадаться не о том, как удобнее жить, а о том, зачем жить. Вот что я думаю. Это *одна* из тем моего романа, над коим сижу»²³.

Осторожные курсивы этого письма (*между прочим, одна из тем*) по мере писания романа и приближающегося переезда в Москву трансформируются в саморазрушающийся текст, который движется нескончаемым уходом от собственной идеи, звучит деланным смехом над собственным автопортретом. И все же попробуем, вслед за Горьким и его корреспондентом 1926 года, вообразить, что будет, если сотни людей воспылают страстью догадаться о том, зачем жить. На ясно поставленный вопрос следует единственно возможный ответ: это будет религия. Это может быть новая секта или возвращение к одной из старых вер, но для Горького эти переживания и ожидания, очевидно, являются только что сделанным открытием, новым выводом из недавних разочарований.

Как и у других предтеч и основателей новых культов, мистический дискурс тут же переплетается с эротическим. Мир новой веры — это мир новых отношений между полами. Зотова считает, что «религия — бабье дело»: все религии были созданы женщинами, и потому все богородицы — женщины; но потом «почти все религии признали женщину источником греха», а нужно восстановить женщину в тех ее правах, которыми располагает в своей хлыстовской общине Марина — в правах жреца, пророка и властителя (XXIII, 242). Как и в других случаях,

²³ Горький и советские писатели. С. 135.

Горький именно ей отдает свои любимые идеи. В 1926 году Горький рассказывал о плане романа так: «Я тут говорю о сумерках мужчины, о тупике, в который он уже давно попал. Это, поймите, не только социальный, но и духовный тупик. И ясно, что сказать «о конце <...> человека» ничего веселого я не могу. А о женщине — не умею так, как следовало бы. Вижу и чувствую, что она — растет, слышу, что она уже начинает говорить о себе несслыханным тоном и новыми словами. Мужчина тоже, как будто, начинает говорить о ней по-новому <...> иной раз — с задумчивостью, под которой чувствуется страшок. <...> Может быть, и мне удастся сказать что-то по этому поводу в романе, который я пишу»²⁴. Именно в этом — смысл фантастической фигуры Марины Зотовой: богатой и умной красавицы, хлыстовской богородицы, будущего лидера человечества.

На самом деле, идейный феминизм не менее заметен в этом тексте, чем идейный большевизм. По новой мысли Горького, обе идеологии естественно тяготеют друг к другу. В «Самгине» они олицетворены, по методу типических представителей, в двух важных фигурах: Кутузове и Макарове. Оба они — положительные герои, нужные для соцреализма; но если о большевике Кутузове написаны тома, то о феминисте Макарове — девственнике, женопоклоннике и гинекологе — горьковеды хранили сконфуженное молчание. В роман о Самгине и Зотовой обе эти фигуры поставлены как назидательные образцы для заглавного героя, никчемность которого, по мысли автора, оттеняет их высокие достоинства. Буржуазность Самгина не дает ему последовать ни за Кутузовым, ни за Макаровым, и уж совсем ему не по силам синтезировать достоинства обоих. Самгин корыстен, в отличие от Кутузова, и похотлив, в отличие от Макарова. Автор морализирует по поводу обоих недостатков, но на самом деле вторую особенность своего анти-героя он описывает куда настойчивее. В подлинно соцреалистическом романе буржуазность Самгина должна была бы складываться из любви к деньгам и любви к женщинам, но роман Горького все время сталкивает его с женщинами, не с деньгами. Было ли это качеством романа как формы, которую автор так и не смог победить, или же являлось следствием собственно идеологических представлений — в любом случае Горький обвиняет Самгина с позиций сексуального аскетизма и самодельного феминизма, и почти не интересуется политэкономическими объяснениями марксистского образца. Слабость, трусость и прочие черты главного героя — все то, что не дает ему возможности вступить в настоящий союз с Мариной Зотовой и, таким образом, возглавить настоящую русскую революцию — поданы

²⁴ Там же. С. 594.

как результат его избыточной мужской активности, а вовсе не капиталистической предприимчивости. На этом фоне девственность Марины и ее разговоры с Климом о кастрации (ХХІІІ, 325) полны значения; в этом контексте равным образом понятны и то особенное сопротивление, которые вызывают эти сюжеты у Клима, и то «явное и обидное сожаление», с которым встречает его непонимание Марина. Можно думать, что именно роль женщины в хлыстовских общинах, да еще умение сектантов складываться в единое тело во время радений привлекали Горького. Во всяком случае, в эссе «По Союзу Советов», которое писалось одновременно с «Самгиным», закавказской секте хлыстов-прыгунов дается уничижительная характеристика²⁵. Возможно, так Горький заранее оправдывался перед критикой, предвидеть которую ему было, конечно, нетрудно.

С утверждением культовой, религиозно-политической роли женщины связана полемика с Николаем Федоровым, которая пунктиром проходит по «Самгину». Федоров считал, что индустриальная цивилизация существует только ради женщин и что мужчинам, прежде чем заняться настоящим делом воскрешения отцов (не матерей!), надо освободиться от этой эксплуатации. «У меня по этому поводу другие мысли, кратко выражу их так: человечество обязательно возвратится к матриархату, мужчина доигрывает свою роль»²⁶, — писал Горький в письме. Поскольку «уже ясно, что мужчина-то обанкротился и духовно иссяк»²⁷, постольку дело спасения человечества должна взять на себя женщина.

Феминизм Горького кажется вполне неожиданным. Подобных идей нет у Ницше, из которого эпигоны вроде Вейнингера делали скорее противоположные выводы; мечту о новом матриархате непросто найти и в русской литературной традиции (не зря Зотова не любит Толстого); и тем более удивительна она на фоне мизогинической прозы двадцатых годов. Но любые сочетания идей возможны для того, кто называл себя «инженером человеческих душ». Когда Горький переехал из Сорренто в Москву, его поместили в особняке, который до революции служил резиденцией старообрядцу-капиталисту, а после — Психиатрическому институту; теперь классик пролетарской литературы дописывал в нем свой роман об интеллигенте, предавшем богородицу.

В идеологической среде, которую Замятин характеризовал как *horror vacui*²⁸, Горький возвращается к увлечениям своих давних литератур-

²⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Т. 20. М.: Наука, 1974. С. 137–139.

²⁶ Горький и советские писатели. С. 590.

²⁷ Там же. С. 593.

²⁸ Замятин Е. Сочинения. М.: Книга, 1988. С. 437.

ных противников, русских символистов. Работая над «Самгиным», он перечитывает Владимира Соловьева. «Вот нигилист! И — как он сух, какой плоский»²⁹, — пишет Горький о Соловьеве, и мы вдруг чувствуем, как пролетарский писатель и религиозный философ буквально меняются местами, нигилист упрекает мистика в нигилизме... Но в самом деле, идеи Горького в этот момент ведут его так далеко и высоко, что даже Соловьев кажется ему бездушным и плоским. В коллекции сектантских документов, которые собирает Марина, есть письма Соловьева (XXIII, 244): в фантазии Горького красавица Зотова замещает собой маленькую и нелепую Анну Шмидт, его приятельницу по Нижнему Новгороду, которой Соловьев и правда писал письма. На самом деле, Марина Зотова — новый образ вечной женственности; ее эротическое могущество точно так же переплетается с национальной мистикой, как в «Стихах о Прекрасной Даме» и особенно в «Песне судьбы» Блока. В «Самгине» мы видим Фаину и Германа четверть века спустя вновь встретившимися на российских просторах; герой постарел и обрюзг, а вот героиня, как ей с ее вечными качествами и полагается, по-прежнему хороша.

Внутри своего эпоса революции Горький пишет роман о смысле жизни, о религиозных исканиях, о русском сектантстве, о возвращении к матриархату. «Я все-таки вижу человека <...> органом, который создан природой для целей ее самопознания. Познание становится третьим инстинктом человека» после голода и секса, — считает Горький. На деле эти идеи о человеке как природном органе самопознания и о его «третьем инстинкте» почерпнуты из гностических текстов³⁰, которые в переложении Владимира Соловьева были популярны в России начала века; на эллинистических гностиков любит ссылаться Марина Премирова-Зотова, возводя прямо к ним хлыстовскую традицию. Гностическая идея человека как «органа самопознания» увлекает писателя, как ключ к проблемам современности: «мне кажется, что именно отсюда возникает большинство наиболее сложных драм»³¹. Тут он, конечно, оказывается драматически далек от марксистских схем, и поэтому никак не может соединить их со своими подлинными интересами: решающий синтез все откладывается на потом, в так и не написанные финальные сцены.

Ницшеанские увлечения молодости, на фоне исторических разочарований скрестившись с перечитанным Соловьевым, порождают

²⁹ Горький и советские писатели. С. 126, 136.

³⁰ Классический обзор уцелевших гностических текстов см.: *Jonas H. The Gnostic Religion*. Boston: Beacon Press, 1963.

³¹ Там же. С. 243.

очередной интеллектуальный гибрид: сверх-человек оказывается сверх-женщиной; хлыстовская богородица — найденным, наконец, земным образом высшего существа. Давнее, времен «Исповеди», богостроительство получает новый, и куда более конкретный, строительный проект. От большевизма здесь только одно: стремление к сиюминутному осуществлению идеи, к непосредственной социальной практике. Немного здесь, однако, осталось и от хлыстовства. Горький мечтает не о новом боге, а о новом обществе; религиозные начала признаются в этом деле полезными, но имеют сугубо служебную роль. Образ хлыстовской общины, имеющей корни в народе, жестко организованной под руководством сверх-женщины, по праздникам складывающейся в единое коллективное тело, соответствует этой мечте. К тому же хлыстовство — русская национальная традиция. Поэтому русское сектантство не годилось для абстрактно-гуманистического богостроительства в «Исповеди», и потому же оно идет к делу в «Самгине». Работа над его 3-м томом совпадает по времени с высылкой Троцкого, и Горький видел: идея мировой революции уступила место идее социализма в одной стране, и от интеллектуала требуется обоснование особых связей между этой страной и социализмом. Далеко не в первый раз русское сектантство, и в частности хлыстовство, примеряют на эту слишком трудную роль.

Голуби и голубятник

У Зотовой бывает Кормилицын, «писатель по вопросам сектантства». Марина говорит о нем так: «Всюду суется, все знает, а — невежда». Этот писатель, коллекционер рукописей и анекдотов вызывает у главного героя особое чувство: «Самгин нередко встречался с ним в Москве и даже, в свое время, завидовал ему, зная, что Кормилицын достиг той цели, которая соблазняла и его, Самгина» (XXIII, 230, 237). В этом Кормилицыне легко узнать известного в прошлом веке этнографа и народника Алексея Пругавина³². В 1-м томе он упомянут под собственной фамилией только для того, чтобы назвать его книгу «бездарной» (I, 396). Видимо, именно так, с соперничеством и завистью, молодой Пешков, нижегородский журналист и приятель Анны Шмидт, относился к известному сектоведо. Зрелый Горький тонко показывает характер занятий Пругавина, промежуточный между социологией и идеологией, а скорее стремящийся к чему-то вроде личного апока-

³² В очерке «По Союзу Советов» Горький объяснил фамилию Кормилицын. Оказывается, Чехов в 1903 г. сказал Горькому, что Пругавин «с бородой, но похож на кормилицу» (10, 139).

липсиса: «человек этот гордится своими знаниями, как гордился бы ученый исследователь, но рассказывает всегда с тревогой, с явным желанием освободиться от нее, внушив ее слушателям» (XXIII, 231). Интеллектуалы типа Кормилицына не понимают сектантства, в этом Горький согласен со своей Зотовой.

На собрании одной из сектантских общин Русьгорода, между Зотовой и Кормилицыным состоялся интересный диалог. «В аграрных беспорядках сектантство почти не принимает участия», — говорит Кормилицын; Зотова очевидно несогласна, но уклоняется от спора. «Художественная литература не касается сектантского движения, обходит его», — говорит Кормилицын. Тут Зотова возражает: «Некоторые — касаются», — говорит хлыстовская богородица о современных ей писателях, «выговорив слово “касаются” с явной иронией» (XXIII, 2137).

Десницкий, рассказывая в 1941 г. историю ненаписанного Горьким романа о сектанте и беглом каторжнике, многого не договаривал; ясно, однако, что он придавал этому замыслу немалое значение. Позиция Горького по поводу «включения им сектантского материала в такой пропорции» была непонятна Десницкому³³; но из смысла и интонации его воспоминаний ясно, что Горький, так и не написав романа о бегуне в 1910-х годах, мучился этим до тех пор, пока по-новому не разработал ту же тему в «Самгине». Десницкий задавался вопросом о том, что могло помешать Горькому написать свой роман о бегуне тогда, до революции, но не находил ответа. Возможно, вопрос этот так занимал горьковеда потому, что ему казалось: осуществи писатель этот проект тогда, «Самгин» был бы более чист, понятен и, может быть, закончен по-большевистски.

Между тем, писателю мешал, скорее всего, только что написанный и имевший шумный успех роман о сектантах, который дал совершенно иную, неверную с точки зрения Горького трактовку их жизни, веры и политической роли. Этот роман — «Серебряный голубь» Белого. Он рассказывал о той же секте, о которой идет речь в третьем томе «Самгина», но хлысты получили здесь литературный псевдоним: «голуби». Совпадают и годы, показанные в обоих произведениях, годы сразу после 1905-го³⁴. Более того, во время убийства Болотовой Белый был связан с Нижним Новгородом через своего друга Эмилия Метнера, который служил там цензором с 1902 по 1906 гг. Как и Горький, но с мень-

³³ Десницкий. С. 372.

³⁴ Строго говоря, Зотова, разговаривая с Кормилицыным, не могла еще читать романа Белого; но Горький переносит в 1907 г. и одновременно с «Серебряным голубем» написанные «Вехи»; см.: Вайнберг. С. 241.

шим успехом, Белый пытался найти контакт с Анной Шмидт. Приезжая в Нижний к Метнеру, Белый слышал обильные рассказы о местных сектантах от Андрея Мельникова, сына Мельникова-Печерского. Не исключено, что среди прочих поводов для сюжета «Серебряного голубя» была и история распутной хлыстовки Болотовой; но гораздо важнее интертекстуальные отношения между романами Белого и Горького (которые, впрочем, оба автора считали «повестями»).

Идейным предметом обоих текстов является тайный союз между революционерами (социалистами у Белого, большевиками у Горького) и сектантами (голубями у белого, хлыстами у Горького). Главным героем в обоих случаях является интеллеktуал, который одинаково влюбляется в сектантскую красавицу. Финалы этих историй равно трагичны и до некоторой степени симметричны: у Белого женщина предает героя, и его убивают сектанты; у Горького убита женщина-сектантка, а герой предает ее во время расследования. Моральный урок, который хочет извлечь из этого сюжета Горький, тоже оказывается не так уж далек от того, к которому пришел за 20 лет до него Белый. В «Серебряном голубе» гибель героя от любви к сектантской красавице звучала предупреждением интеллигенции, которой ее народнические увлечения грозят уничтожением. То же самое, с переменной акцентов, утверждает и Горький: в «Самгине» сектантская красавица убита потому, что герои-мужчины не сумели понять ее, сблизиться с ней, подчиниться и защитить. Самгин не делает «необыкновенное открытие» (XXIII, 241), которое может дать ему необыкновенная Марина, лишь в силу своей интеллигентской слабости, шаткости, амбивалентности. Если бы Самгин (или Кутузов) стал достойным партнером Зотовой — такая пара могла бы вести Россию тем самым «правильным путем», о котором время от времени напоминал Горькому встреченный им в детстве бегун, беглый каторжник. Но мужчины не готовы поддержать сверх-женщину, и ее убивают злые силы, которые так и остаются неузнанными.

Сходные между собой в своем неуважении к собственному сословию, Горький и Белый конструируют Другого из одного и того же материала, русского сектантства; но их итоговые конструкции сильно различаются между собой. Автопортреты оказываются куда более сходными, чем фантазии о Другом; Самгин похож на Дарьяльского гораздо больше, чем Марина похожа на Матрену. Белый показал Матрену некрасивой и неумной, так что читатель все время гадал, чем же, собственно, привлекла она героя-поэта; Горький же показал Марину обратным способом — красивой и умной, так что читателю приходится гадать, почему она не влечет к себе Самгина. Белый нисколько не любит Матрену; его задача — показать, что

Дарьяльский увлекся ею и, соответственно, попал в сектантскую ловушку только в силу его самоубийственной культуры. Горький же все время наслаждается Мариной и показывает неспособность своего героя оценить ее и соответствовать ей; строя несколько ситуаций, в которых читателю кажется, что Марина предлагает себя Климу, Горький нигде не дает Самгину и прикоснуться к ней. Ситуация переворачивается. У Белого автор и вместе с ним читатель не хотят героиню, а хочет ее герой, и в этой неадекватности желания — роковая слабость. У Горького наоборот, автор и читатель хотят героиню, а герой не хочет или недостаточно хочет ее, и в этой слабости желания — роковая неадекватность. Но можно сказать и иначе. Горький сам становится Дарьяльским из «Серебряного голубя», слепым и страстным любителем народа, и вынуждает читателя воспроизводить свою саморазрушающую любовь. Оказываясь в позиции Дарьяльского, Горький яростно борется с столь невыгодным для себя сравнением.

Интертекстуальная игра Горького против Белого в третьем томе «Клима Самгина» проведена осознанно и искусно. Попав в Русьгород и первый раз пойдя туда, куда велела ему пойти Марина, герой боится: «Самгину показалось, что он идет не вверх, а вниз». «Как в Дарьяльском ущелье», — думает Клим, проявляя свою ключевую слабость — боязнь стать Дарьяльским, неумение или нежелание стать им и сгнуться (XXIII, 181). На самом деле герой идет по лестнице вверх, и бояться ему нечего.

На периферии текста, в малозначительных подробностях, которые автор не счел нужным контролировать и заимствовал без переделки, интертекстуальность часто имеет более открытый характер, чем в центральных его сюжетах. Но может быть и иначе: в незначительной детали автор оставляет эксплицитную ссылку, как зашифрованный полемический прием, скрытый от профанов, но ясный автору и идеальному читателю. В романе Белого руководимая сектантами-голубями жена купца Еропегина отравляет мужа с тем, чтобы его имущество отошло секте. Еропегин еще не успел умереть, а в его доме происходит радения, и в нем же убивают Дарьяльского. В романе Горького некая Софья, член хлыстовской общины и дочь заводчика искусственных минеральных вод, «привлекалась к суду по делу темному: подозревали, что она отравила мужа и свекра. Около года сидела в тюрьме, но — оправдали» (XXIII, 239). Радение хлыстовской общины происходит в доме с вывеской: Завод искусственных минеральных вод (XXIII, 380).

В «Серебряном голубе» действие происходит в классическом треугольнике: красавица, влюбленный в нее интеллектуал и контролирующий ее сектант. В «Самгине» Марина Зотова совмещает сразу две

ипостаси: она сразу и Русская Красавица, и Мудрый Человек из Народа. Такая конструкция сполна реализовала авторскую теорию о сумерках мужчины и грядущем матриархате; но для романного действия все же нужен конфликт. Соперником Самгина мог бы быть Кутузов, но Горький, бессильный изобразить большевика положительным героем с близкого расстояния, оставил его в Москве. Самгин, конечно, подозревает Марину в том, что у нее есть любовник, но та — выше подозрений. В итоге символическим соперником Самгина оказывается Валентин Безбедов, племянник известного нам супруга Марины.

Самгин поселяется в его доме. Этот Безбедов — любитель голубей, так что теперь жизнь Клима проходит на голубятне, среди голубей и разговоров о голубях. «Вас увлекает адвокатура, другого — картежная игра, меня — голуби <...>. Валяйте, делайте революцию, а мне ее не нужно, я буду голубей гонять», — говорит нелепый Безбедов (XXIII, 225, 228). Сравните с этим настойчивую игру Белого, переименовавшего хлыстов в голубей: «Многие приняли *секту голубей* за хлыстов <...> согласен, что есть в этой секте признаки, роднящие ее с хлыстовством <...> в этом смысле голубей <...> как секты, не существует; но они возможны <...> в этом смысле голуби мои вполне реальны»³⁵.

Безбедов играет центральную роль в развитии фабулы, роль иррациональную, страшную и смешную вместе. С Мариной он находится в загадочных отношениях, которые Самгин, на основе своей рациональности, тщетно пытается понять. Голубятня Безбедова скоро сгорает, причем возможно, что он сам ее и сжег; потом его обвиняют в убийстве Марины, причем справедливость этого так и остается неясной; и наконец, самого его убивают в тюрьме. Этот странный голубятник и его голубятня, рядом с настоящей хлыстовской общиной Зотовой — аллегория, в которой Горький выразил свое отношение к Белому и его «Серебряному голубю».

«Я — по-дурацки говорю. Потому что ничего не держится в душе... как в безвоздушном пространстве. Говорю все, что в голову придет, сам перед собой играю шута горохового <...>. И боюсь, что на меня, вот — сейчас, откуда-то какой-то страх зверем бросится», — говорит Безбедов. Такие речи, действительно, можно было услышать от Белого в тяжелую его минуту (XXIII, 282), а Горький виделся с Белым именно в такое время, в 1922 году³⁶. Безбедов и сам — голубь:

³⁵ Белый А. Вместо предисловия // Белый А. Серебряный голубь. М.: Скорпион, 1910.

³⁶ «Его пьянство, его многоречивость, его жалобы, его бессмысленное и безысходное мучение делало его временами невменяемым» (Берберова Н. Курсив мой. М.: Согласие, 1996. С. 189).

«В его унылой воркотне слышалось нечто капризное» (XXIII, 343). Но он ничего не понимает в голубях, которыми взялся заниматься. Об этом говорит главный авторитет, Марина (XXIII, 264); об этом же говорит и некий Блинов, более серьезный голубятник. Безбедов рассказывает: «Издевался надо мной, подлец! “Брось, говорит, ничего не смыслишь в голубях”. Я? Я — Мензбира читал. А он, идиот, учит: “Ты, говорит, не из любви голубей завел, а из зависти, для конкуренции со мной, а конкурировать тебе надобно с ленью твоей, а не со мной...”» (XXIII, 300).

Зоолога М. А. Мензбира, одного из своих учителей, Белый вспоминает как своего любимца, как олицетворение научной честности и даже так: «модель “*homo sapiens*”, возглавляющая коллекции видов Зоологического музея»³⁷. Под ссылкой Безбедова на профессора зоологии легко увидеть ссылки Белого на специалистов-сектоведов. В мемуарах Белого об источниках «Серебряного голубя» так и читаем: «я имел беседы с хлыстами; я их изучал и по материалам (Пругавина, Бонч-Бруевича и других)»³⁸. Горький наверняка слышал подобные слова от Белого во время их встреч в 1922 году в Германии. Тогда они обсуждали хлыстов; из мемуаров Белого мы знаем, что Горький рассказывал ему о нижегородской сектантке Анне Шмидт³⁹, которую он хорошо знал и которой посвятил содержательный очерк. Хороший голубятник Блинов знает голубей не из книг, а из самой жизни; так Горький знает русских сектантов. Плохой голубятник Безбедов, подобно Белому, думает, что жизнь можно узнать из книг.

Как и от Безбедова в романе, от Белого недавно ушла жена. «Немножко — несчастен, — немножко рисуется этим, — в его кругу жены редко бросают мужей, и скандал очень подчеркивает человека», — рассказывает Зотова (XXIII, 215) примерно то же, что вспоминают мемуаристы о берлинском периоде Белого. Сходство идет дальше: от Безбедова жена ушла к доктору, от Белого — к доктору Штейнеру. Постепенно мы узнаем, что Безбедов любит не жену, а Зотову; по воспоминаниям о Белом мы знаем, что, тоскуя по Асе Тургеневой, он продолжал любить Л. Д. Блок. Если не от самого Белого, то от Ходасевича Горький знал поэтические и мистические ассоциации, связанные с этой женщиной. Возможно, Любовь Блок сыграла свою роль в конструировании Горьким образа его хлыстов-

³⁷ Белый Л. На рубеже двух столетий. М.: Художественная литература, 1989. С. 391; этот том мемуаров Белого вышел как раз тогда, когда Горький писал третий том «Самгина».

³⁸ Белый А. Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990. С. 315.

³⁹ Белый А. Начало века. Москва: Художественная литература, 1990. С. 144.

ской богородицы. «Воспоминания о Блоке» и ряд рецензий Белого⁴⁰ были наполнены ядовитым изображением поэта как хлыстовского пророка, а его жены — как хлыстовской богородицы. Особенное отношение Самгина к Зотовой (он «отталкивается от нее, потому что она все сильнее притягивает его», XXIII, 397) тоже напоминает любовные мотивы блоковской лирики. Белый в Берлине нуждался в слушателях, которым рассказывал одни и те же травмировавшие его истории из прошлого. Берберова вспоминает: «Белый не видел себя, не понимал, не знал <...> не умел разрешить <...> всей трагической ситуации своей, а его (разрешения) не могло быть <...> у тех, кто хоть и остро смотрит вокруг, но не знает, как смотреть в себя <...>. Он два раза рассказал <...> в мельчайших подробностях, всю драму своей любви <...> и, без передышки, начал ее рассказывать в третий раз»⁴¹. Горький пишет о Безбедове: «Безбедов не нуждался в сочувствии и поощрении, почти каждый вечер он охотно, неумолимо рассказывал <...>. Нередко Самгин находил его рассказы чрезмерно, неряшливо откровенными, и его очень удивляло, что, хотя Безбедов не щадил себя, все же в его словах нельзя было уловить ни одной ноты сожаления о неудавшейся жизни. Рассказывая, он не исповедовался, а говорил о себе, как о соседе, который <...> при всех его недостатках — человек неплохой» (XXIII, 224). Сходство мотивов разительно; вполне вероятно, что Горький слышал эти монологи Белого не сам (при нем Белый затихал и вел себя с «церемонной вежливостью»⁴²), а в устных пересказах Ходасевича или Берберовой. Они позже записали свои впечатления в мемуарах, а Горький использовал их рассказы для романа. Понятно, что он окрашивал детали своим отношением к персонажу. «Случай, когда глупость возвышается до поэзии», — думает Самгин о Безбедове (XXIII, 223); в этом — суть немногих позитивных высказываний Горького о Белом, например такого: «Белый — человек тонкой культуры, широко образованный, у него есть своя оригинальная тема, ее, пожалуй, другим языком и невозможно развивать»⁴³.

Безбедов «боится» своей покровительницы Марины, «ненавидит» ее и, конечно же, безнадежно любит (XXIII, 302, 344); так Белый в «Серебряном голубе» боялся, ненавидел и плохо любил Матрену

⁴⁰ Белый А. 1) Настоящее и будущее русской литературы // Весы. 1909. № 3. С. 79–80; 2) Поэзия Блока // Ветвь. Сборник клуба московских писателей. М., 1916 (также в: Белый А. Избранная проза. Москва: Советская Россия, 1988. С. 281–296). Подробнее см.: Эткинд А. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.: ИЦ-Гарант, 1996. Гл. 2.

⁴¹ Берберова. С. 190.

⁴² Там же. С. 216.

⁴³ Горький и советские писатели. С. 469.

и русское сектантство. Марина скрывает от Безбедова свои радения, и он, даже оказавшись в гуще сектантской жизни, ничего не знает о ней; живя среди хлыстов, он занимается голубями. Так Белый в «Серебряном голубе» написал, по мысли не одного Горького, «метафизическую клевету» на «народную душу»⁴⁴, изобразив хлыстов, по незнанию или злобе, в виде голубей. Горький мог быть лишь раздражен сенсационным успехом этого романа, который, как мы знаем из «Пленного духа» Цветаевой, помнился и в начале 1930-х⁴⁵. «Привычка врать и теперь есть у меня <...> стоит только одному рассказать, а уж дальше вранье само пойдет! Чем невероятнее, тем легче верят», — говорит Безбедов (XXIII, 225).

Трудно уловимый враг

Литературные и жизненные отношения Горького и Белого рассматривались не раз⁴⁶. Нет сомнений, что Горький много читал Белого; в библиотеке его более двадцати сочинений Белого, из них 11 — с пометами хозяина⁴⁷. «Он плакал над русскими стихами, но русской прозы не любил. Русские писатели XIX века в большинстве были его личными врагами: Достоевского он ненавидел; Гоголя презирал; от <...> Соловьева его дергало злобой и страстной ревностью», — писал о Горьком человек, близко знавший его вкусы⁴⁸. Тем большую вражду должен был вызывать Белый: писатель, который подчеркивал свою зависимость от русской традиции и при этом сохранял влияние на новое писательское поколение; единственный соотечественник, которого приходилось всерьез рассматривать как соперника. Четырехтомные мемуары Горького, замаскированные под «Жизнь Клим Самгина», писались в те же годы, что и трехтомные мемуары Белого. Конкурентные отношения этих писателей, главных действующих лиц и самых авторитетных свидетелей великой эпохи, очевидны. Когда Горький работал над третьим томом Самгина, он уже мог читать первый том мемуаров Белого⁴⁹ и убедиться в том, что его, Максима

⁴⁴ Иванов Вяч. Вдохновение ужаса (о романе Андрея Белого «Петербург» // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 620.

⁴⁵ Подробнее см.: Эткинд А., Грельц К. Недосказанное о неосуществленном: из чего сделан «Пленный дух» Цветаевой // Новое литературное обозрение. № 17. 1996.

⁴⁶ Напр., Крюкова А. М. Горький и Андрей Белый. К истории творческих взаимоотношений // Андрей Белый. Проблемы творчества. М.: Сов. писатель, 1988. С. 282–308.

⁴⁷ Островская С. Рукой Горького. Москва: Сов. писатель, 1985. С. 67.

⁴⁸ Берберова. С. 217.

⁴⁹ Пометы Горького на воспоминаниях Белого, начиная с первого тома «На рубеже двух столетий», см.: Островская. С. 71–75.

Горького, роль в данной версии истории пренебрежимо мала; в последующих томах Белый тоже упоминает Горького среди сотен других имен. Со своей стороны, Горький боролся против влияния Белого как против самой серьезной опасности. Когда писатель не нравился Горькому, он обвинял его в подражании Белому; это повторялось много раз и относилось к таким разным авторам, как Пильняк, Цветаева и Панферов⁵⁰. Отвергнутые Горьким писатели, как Гладков, и вправду искали поддержку у Белого⁵¹.

Если наша гипотеза верна, то в фигуре Безбедова Горький сводит давние счеты с Белым. Безбедовская голубятня деметафоризирует «Серебряного голубя» Белого, рисуя карикатуру на его автора. Белый ничего не понимает в голубях, о которых взялся писать, хоть и читал ученые книжки о них. Поэтому он жалок, но страшен. Безбедов портит породу голубей-птиц, Белый испортил литературу о голубях-сектантах. Безбедов нелепо борется с настоящим голубятником Блиновым и проигрывает ему во всем; так Белый, знающий жизнь по книгам, тщетно боролся с Горьким, который считает себя подлинным знатоком сект. Блинов говорит Безбедову то, что Горький, в связи с сектантской темой, мог думать о Белом; «Ты, говорит, не из любви голубей завел, а из зависти, для конкуренции со мной, а конкурировать тебе надобно с ленью твоей, не со мной» (XXIII, 300). Безбедов убивает прекрасную Зотову, как Белый убил в свое время замысел прекрасного романа.

Если либералы типа Самгина и Пругавина не способны понять и поддержать русское сектантство и его великолепную богородицу, считает Горький, то попутчики типа Безбедова и Белого более опасны. Они клеветают на секты, искажают их роль, компрометируют их своими писаниями и заботами. Хлысты — отнюдь не голуби, всю жизнь считал и продолжает считать Горький, а настоящие революционеры. Они делают революцию в том же смысле, в каком делают ее большевики типа Кутузова, который делает ее на хлыстовские деньги; и еще

⁵⁰ Например, в письме 1922 года Пильняку: «Вас явно смущает Белый <...>. Белому нельзя подражать <...>. Не сомневаюсь, что он и чужд и непонятен вам, так же, как чужд и мне». О Цветаевой Горький писал, что она «истерически переделывает в стихи сумасшедшую прозу Андрея Белого» (Горький и советские писатели. С. 311, 497).

⁵¹ Ср. переписку Ф. В. Гладкова с Горьким (Горький и советские писатели. С. 63–124) и Белым (опубликована С. В. Гладковой в: Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 753–772); интертекстуальная зависимость «Цемент» Гладкова от «Петербурга» Белого показана в: Clark. P. 78–79; противоположность реакций Белого и Горького на роман Гладкова «Энергия» (1932) прослежена в: Богомолов Я. А. Андрей Белый и советские писатели. К истории творческих связей // Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 309–336).

в другом, пока еще непонятном большевиками смысле, который олицетворен в фигуре Марины и содержится в ее гностическом учении, в идеях о третьем инстинкте и о матриархате.

Фамилия «Безбедов» дает содержательный контраст к собственному псевдониму писателя. Можно предполагать также, что она сконструирована по образцу Бессонова, героя «Хождения по мукам» Алексея Толстого, в котором изображен Блок — столь же негативно, но более узнаваемо, чем Белый изображен в Безбедове. Так новое поколение русских писателей расправлялось со своим наследством. «Людей такого типа он видел немало», думает Самгин; «но — никто из них не возбуждал такой антипатии, как этот <...>. Он ведет к мыслям странным, совершенно недопустимым» (XXIII, 260). Безбедов — темный предшественник, смешной двойник и опасный соперник Самгина. «Мысль о возможности какого-либо сходства с этим человеком была оскорбительна» (XXIII, 226). Кто-то может вдруг увидеть сходство Горького и Белого, вообще новой советской литературы и русского символизма, и эта мысль вызывает у автора страх. «Он не только сам карикатурен, но делает карикатурным и того, кто становится рядом с ним» (XXIII, 270). Этот мотив повторяется пунктиром на протяжении сотен страниц. «В неожиданной, пьяной исповеди Безбедова было что-то двусмысленное, подозрительно похожее на пародию», — думает Самгин (XXIII, 347). Горький пишет новый роман о сектах, но все еще, двадцать лет спустя, боится сравнения с текстом-предшественником. Он, конечно, переадресовывает собственный страх сопернику. Безбедов полагает, что Марина устроила их, Самгина и Безбедова, жить вместе «намеренно, по признаку некоторого сродства наших характеров и как бы в целях взаимного воспитания нашего». Марина реагирует точно: «для него это слишком тонко. Это — твоя догадка, Клим Иванович» (XXIII, 351). Кого замещает здесь эта Марина — реальную женщину? абстрактного читателя? народ? власть?

Внешне Безбедов описан в деталях; физически он скорее не похож на Белого. Между их судьбами есть некоторое внешнее сходство, но главные параллели — в их речах, в том, что Горький называл «языком». Когда Безбедов признается в покушении на жизнь конкурента-голубятника Блинова, его сходство с Белым — разумеется, с Белым в его восприятии Горьким — доходит до почти буквального совпадения. «Безбедов вызывал у Самгина странное подозрение: всю эту историю с выстрелом он рассказал как будто для того, чтобы вызвать интерес к себе» (XXIII, 302). Сравните с этим подготовительную заметку Горького: «А. Белый вычитал и выдумал множество страхов, доброй половине их он сам не верит, а другою половиной, хитрый, украшает

себя, делает интересным»⁵². Безбедов сам себя называет «глухонемым» (ХХІІІ, 230); через несколько лет Горький в своей разносной статье «О прозе», направленной лично против Белого⁵³, назовет его «глухим». Безбедов говорил, «точно бредил, всхрапывая, высвистывая слова <...>. Жутко было слышать его тяжелые вздохи» (ХХІІІ, 300); в статье «О прозе» речь Белого характеризуется как «старчески брюзгливая и явно раздраженная чем-то»⁵⁴. Безбедов говорит «явно балаганя»; в статье «О прозе» Белый сравнивается с «балаганным дедом». Безбедов говорит с «жалкой гримасой скупого торгаша»; Белый, по мнению Горького, предлагает начинающим писателям «лавочку, в которой продаются “готовые наборы слов”»⁵⁵.

В этой статье, своем литературном завещании, Горький обрушился на Белого с прямыми и страшными обвинениями. Белый пишет для того только, чтобы показать, «как ловко он может портить русский язык». В стране есть «трудно уловимые враги, которые вредят <...> всюду, где могут повредить», а Белый портит язык, национальное богатство и государственную гордость. Он — вредитель. Пишет он для того только, чтобы «показать себя <...> не таким, как собираться по работе»⁵⁶. Горький сравнивает Белого с пушкинским Сальери, завистником и отравителем; читателю легко догадаться, кто здесь считает себя Моцартом.

Теперь, в начале 1933-го, цели Горького и его средства иные, чем они были два-три года назад, когда сочинялся третий том «Самгина»; но, начиная открытую кампанию по вытеснению Белого из советской литературы, Горький использует старый ряд метафор. Они были разработаны для фигуры Безбедова, этой аллегорической карикатуры на Белого, и развивались со времен «Серебряного голубя». Тогда, в 1909-м, роман Белого о том, как социалист стал сектантом и был убит, опередил так и ненаписанный роман Горького о том, как сектант стал вождем социалистического народа. Двадцать лет спустя Горький пишет другой роман, в котором изображает Белого жалким интеллигентом, живущим среди сектантов и их не видящим, и в итоге убивающим народную надежду. Теперь, к 1933 году, оба вернулись в страну победившего социализма; но борьба продолжалась, перейдя из незаконченного романа — в заканчивающиеся жизни.

⁵² Архив А. М. Горького. Т. 12. М., 1969. С. 223–224.

⁵³ В статье «О прозе» жестокой критике подвергаются и другие люди старшего поколения, очевидно, связанные с Белым (К. Петров-Водкин, Ф. Гладков, М. Шагинян). «Вполне естественно <...> указывать ученикам на недостатки учителей», — пишет Горький (Собр. соч. Т. 30. М.: ГИХЛ, 1953. С. 408).

⁵⁴ Там же. С. 395.

⁵⁵ Там же. С. 394.

⁵⁶ Там же. С. 396.

У автора много героев и одна смерть: абсолютный Другой. Когда автор убивает, он делает это подобно самому близкому из своих собственных героев. Когда автор умирает, он делает это как Другой, самый отличный от себя из изображенных им других. Статьей «О прозе» Горький совершил предательство, граничащее с убийством, как его Самгин; а Белый не замедлил умереть подобно своему Дарьяльскому, преданный теми, с кем честно пытался быть вместе. Скоро Горький был отравлен⁵⁷; но не так как пушкинский Моцарт, а как его собственный Безбедов: не завистливым коллегой, а властью, для которой писатель лишь свидетель, а его убийство — один из способов вытеснения, метод важнейшей из чисток: чистки памяти.

— Помер.

— От чего? — тревожно воскликнул Самгин.

— Паралич сердца.

— Он казался вполне здоровым.

— Сердце — коварный орган, — сказал Тагильский.

— Очень странная смерть, — откликнулся Самгин <...>.

— Умная смерть, — решительно объявил товарищ прокурора. — Ею вполне удобно и законно разрешается дело Зотовой (XXIV, 155).

⁵⁷ В официальном сообщении о смерти Горького было сказано, что смерть наступила «при явлениях паралича сердца» (Правда. 1936. 20 июня). О гибели Горького см.: Иванов Вяч. Вс. Загадка последних дней Горького // Звезда. 1993. № 7. С. 141–163; Спиридонова Л. М. Горький: Диалог с историей. М.: Наследие-Наука, 1994.